

Когда судья досчитал до десяти и огласил Гостхаунда победителем сражения, все зрители словно озверели: они разом вскочили со своих мест и начали орать как сумасшедшие и аплодировать.

А сам победитель застыл неподвижно на месте и мрачным взглядом смотрел вниз на поверженного противника. В его взгляде было что-то странное. Его руки обвисли вниз без каких-либо движений. На правой руке ещё виднелись разорванные мышцы, что до этого времени успели немного излечиться, а его левая ключица переломалась от второго удара кулака Драка Вирда.

Этон Тай прищуренным взглядом смотрел на арену. Это был рискованный поступок. Этон был уверен в том, что Гостхаунд намеренно показал свою слабость в конце, чтобы Драк возжелал убить его сильным добивающим, но медленным ударом. Его первый удар был быстрым и жестоким, целью которого было лишить Гостхаунда сил к сопротивлению.

Увидев его удар, Гостхаунд мог просто уклониться от него теми своими практически безупречными движениями, к которым он постоянно прибегал ближе к концу сражения, но вместо этого он предпочёл сам нанести удар. А поскольку возможности Драка после потери копья были ограничены, он пропустил тот удар в голову. Вот потому его второй, но глупый удар кулаком привёл к тому, что его обыграли, нанеся встречный удар.

Но если посмотреть более внимательно, то Гостхаунд никак не должен был суметь нанести такой удар. Ведь как раз перед этим ранили его левое плечо, да и за весь бой он получил изрядное количество повреждений. Рваная рана в его боку должна была лишить всяких возможностей противостоять и уклоняться от последующих ударов как кулаков, так и копья.

Однако Гостхаунд повёл себя необдуманно и пошёл на ва-банк. Хоть во многом способности Гостхаунда были посредственными, но вот использовать любые удачные возможности... он умел как никто другой, что делало из него превосходного бойца.

С арены послышался грохот, и Этон перевёл взгляд на неё. За всего лишь один шаг он преодолел всё расстояние до Гостхаунда и подхватил на руки мальчишку прежде, чем снизошла проекция сжигающего и ошметинившегося солнца.

- Ты... ты ещё жив...? - прошептал Этон и удивлённым взглядом посмотрел на прибывшего.

Появившийся выглядел так, будто ему только стукнуло сорок лет. У него были коротко подстриженные волосы, а на лице очаровательная улыбка. Но вот вспышка на его зубах от активированных им образов заставила кровь Этона застыть.

- А как же иначе, Этон. Кто способен убить меня? А сейчас как ты смотришь на то, чтобы отдать мне этого юнца, что победил моего никчёмного правнука? Или же...

- Пока твоё настоящее тело не здесь, мы сможем остановить тебя. Тебе здесь не рады, лишь

только...

- «Мы», Этон...? - с каплей удивления произнесла проекция Багрового Рассвета, Эйджаент Вирд, и раскинула руки в стороны, поглядывая вокруг. - «Мы» - это кто? Что-то мне мало верится, что кто-то вызовется помочь тебе.

Этон промолчал, поскольку осознал, что так оно и было. Стиль Спящей Луны не явился на этот бой, а матриарх Стиля Высокой Горы была за городом, куда она отбыла по делам три дня назад. И она забрала с собой большинство старейшин...

«Ага, по делам», - мелькнула мрачная мысль в Этона.

- Так что же, - сказал Эйджаент с такой же улыбкой на лице. - Отдай мальчишку мне.

Этон опустил голову и посмотрел на Рэндидли Гостхаунда, что ещё морщился от боли, но с каким-то волнующим взглядом рассматривал двух старцев. Потом Этон перевёл взгляд на Эйджаента.

Эта проекция была результатом слияния многих навыков. Его реальное тело не могло пользоваться теми навыками, которые пошли на проекцию до того времени, пока существовала проекция. Но в проекции может быть собрана только часть навыков с особо сильными образами. Умение создавать проекции было разграничительной линией между Адептами и Понтификами. Тогда навык становился настолько могущественным, что мог существовать отдельно от тела. Учитывая прошлое Эйджаента, он мог оказаться даже Мастером, но это ничего не значит, пока его настоящее тело не здесь...

Если принять во внимание то, столько лет Эйджаенту... Этон осознал, что он мог быть очень близко к отделившемуся от его тела навыка. Но сейчас характеристики его тела должны быть ослабленными.

Почувствовав внезапно навалившуюся усталость, Этон перевёл дыхание. Он так долго наблюдал, как изменяется баланс политических сил в Диардане, и ничего не предпринимал по той причине, что считал, что его Стиль Стального Пера как и прежде будет оставаться одной из правящих сил, даже учитывая возвращение Стиля Лучистого Рассвета. Но теперь он засомневался. После поражения Сиэль определённо станет ещё сильнее, но сила Драка Вирда и Азриэль Бланш будет возрастать ещё быстрее.

Если бы их двоих поженили... Ну, вероятно сейчас больше нет такой возможности. Но если Эйджаент находился в Диардане, когда Драк победил бы...

Стиль Лучистого Рассвета смог бы без колебаний сокрушить Стиль Стального Пера. По всей вероятности так бы и произошло, если бы не этот мальчишка.

Этон на несколько секунд задержал свой взгляд на Гостхаунде. После этого он вздохнул и повернулся лицом к Эйджаенту.

- Не бывать этому...

И тогда Этон побежал с этим мальчиком так стремительно, как могли нести его ноги.

Лукреция наполовину устрашённая, наполовину восторженная смотрела, как то странное призванное из Навыка Души Гостхаунда существо на равных сражалось с Герроарком Чаром. Отчасти причиной этому было его невероятно сильное оружие, но с другой стороны казалось, что существо обладало громадным боевым опытом и обманчиво сильным телом, что оно компенсировало своей изобретательностью.

Всё больше и больше смысла вытекало из Лукреции, что она была вынуждена пожертвовать некоторыми частями себя самой. Она начала одну за другой отдавать свои эмоции. Ненависть к Герроарку. Нетерпение в ожидании конца. Леденящий её страх от того, чем всё закончится...

Обмен ударами между этими бойцами обрушивал целые здания, но их гостиница только подрагивала, будучи защищённой этим Каменным Человеком.

В кровати позади неё зашевелился Шал, и Лукреция тотчас же сосредоточилась. В её теле осталось всего лишь три эмоции, и одна из них нахлынула на неё, поглотив её с головой. С трудом поднявшись на ноги, Лукреция подошла к кровати.

Поскольку её эмоции утекали одна за другой, и Лукреция всей душой желала сохранить свою личность и поговорить с Шалом, то она отдала тому существу свою заинтересованность Гостхаундом. Эта эмоция была огромной и могущественной, ведь этот парниша продолжал ошеломлять её раз за разом, но ничего не сделает ради её блага. А прямо сейчас было более важно удержать в себе другие эмоции.

Шал открыл глаза, моргнул и поднялся. Потом он потрянул головой и сфокусировал свои глаза, осматривая всю комнату. Как раз сейчас гостиницу ещё раз потрянуло.

Их взгляды встретились, и Лукреция улыбнулась. Она слышала яростный рёв Герроарка там, на улице, и сильный грохот от того Каменного Человека, что мог быть его смехом. Тогда как в этой маленькой комнатке они молча смотрели друг на друга несколько таких долгих секунд.

А затем Шал заговорил:

- Так вот почему... Вот почему всё было так странно. Вот почему они хотели, чтобы я уничтожил честь Стиля Фантомного Копья, и мне нельзя было красить кожу в этот цвет.

Улыбнувшись, Лукреция потянулась рукой и откинула рукав, обнажая руку Шала. Его кожа была тонкой и такой прозрачной, что невооружённым глазом были заметны несколько толстых синих вен, что несли кровь его телом.

Но Шал продолжил говорить:

- Даже когда Пронто пожирало это проклятое копьё, он пристрастился к пожиранию, отдавая взамен свою личность... Меня также отослали прочь. Аемон больше не мог выносить вид нас двоих. Если бы он мог... он бы остался... но мы двое были ярким напоминанием о его поражении. Пронто служил свидетельством нехватки сил Аемона. А я...

Шал замолчал и несколько раз вдохнул воздух, после чего продолжил:

- Но... я до сих пор чувствую, что он любил меня.

Её заинтересованность Гостхаундом иссякла до капли, и перед Лукрецией предстал выбор, какую из её эмоций отдать взамен. После недолгих размышлений она доверилась своему подсознанию и скормила существу эмоцию, что преследовала её невероятно долгое время. Страх смерти. Именно эта эмоция превратила её в Вечную Ведьму, когда она убегала от своей судьбы.

Лукреция собственными глазами видела, как Великое Бедствие разорвало на части её родителей, и она ненавидела это всей своей душой. Ненавидела их за то, что они были столь слабы. Ненавидела их за то, что их так легко убили. Ненавидела то, как её мир окончательно обрушился. Именно поэтому она боролась, всеми силами сражалась, чтобы отыскать способ выжить. Отыскать средство, которое бы разрушило к чертям эту грёбанную Систему и позволило ей избежать её смерти.

Сейчас её путеводителем был Гостхаунд, однако...

Лукреция решила скормить свой страх смерти этому безжалостному вихрю, что высасывал всю её для поддержания Каменного Человека, совсем не обращая внимания на то, что эта эмоция была её стержнем, что позволил ей выживать столь долгое время. Поэтому Лукреция с сияющими глазами в ожидании посмотрела на Шала.

А он в свою очередь открыл рот и произнёс:

- Так... ты пришла сюда из другого мира...? Из того мира, что лежит по ту сторону

передовой...?

Лукреция кивнула и заговорила, временно отвлекая себя и несколько наслаждаясь её горько-сладкой правдой:

- Аемон избегал тебя потому, что ты своим тяжёлым трудом и упорством напоминал ему того, кто бросал вызов самой причине его существования. Ты был символом, что умаливал его причину жить.

Гостиницу потрянуло ещё раз, на этот раз удар был более могущественным, ведь было похоже, что сражение в городе близилось к развязке. Однако Лукреция не сделала ничего, чтобы остановить поглощение своих эмоций.

Шал закрыл глаза и вздохнул.

- Вот потому... третьим и последним подарком, который Лукреция вручила Аемону... был сыном.

После этого утверждения Лукреция немного прищурилась, но кивнула. Сражающееся снаружи существо больше не беспокоило её, ведь она больше не была способна на проявление страха. Теперь в дело пошла последняя, окончательная, самая запутанная эмоция, что хранилась в её сердце. Любовь матери к своему сыну.

- Потому я наполовину...

Пока в её душе преобладал страх за свою жизнь, что заставлял её совершать множество ужасных поступков, на выражение своей любви ей не хватало ни времени, ни возможностей.

Когда в настоящее время она удостоверилась, что он знал всю правду, она хотела проводить больше времени вместе с ним и больше узнать о нём самом. К тому же её искусственная кома, в которую она погрузила Шала, наконец-то избавила его от метки, оставленной Аемоном, что ограничивала его силу и воспоминания. Лукреции было всё равно, разрушилась ли метка или что там с ней случилось, но теперь Шал принадлежал исключительно ей.

Но это будет потом. А сейчас...

Захватив с собой душу Дайаны и голову Йети, Лукреция бросилась в Навык Души до того, как он поглотил её сам. Ей нужно было восстановить себя, или же её ожидал незавидный конец. Но она могла поставить себя в равные условия с мощью этого навыка.

Ведь только восстановившись, она сможет вырваться из его плена.

<http://tl.rulate.ru/book/6561/701824>